

По чесноку

ИЛЬЯ СТАЛЬНОВ

**АДВОКАТ, АДВОКАТ,
ОН ВОРЮГЕ — ДРУГ И БРАТ**

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С83

Стальной, Илья.

С83 Адвокат, адвокат, он ворюге — друг и брат / Илья Стальной. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-098522-7

Редко когда встретишь такое сочетание: исчерпывающая компетентность автора в том, о чем он пишет, и легкий, свежий юмор, с каким он рисует подчас отнюдь не смешные сцены.

Однажды весной, в самый разгар эпохи постперестроечного бандитизма, в Солнцевском районе Москвы появился тщедушный молодой человек, обладающий редкой духовитостью, немалой творческой энергией, множеством идей, порой завиральных и авантюрных. Неприметного гражданина звали Глобус. По причине телесной компактности основное время своей жизни Глобус трудился «форточником» — так на уголовном сленге величают вора, который забирается в квартиры исключительно через форточки. Однажды Глобус, проникнув привычным способом в чужое жилище, наткнулся там на хозяйку, мать крупного советского партийного чиновника. Жаркий спор двух идейных противников закончился нетривиально...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рясной И., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098522-7

Глава 1

Жулики

Калининград. 2003 год.

Шайка находящихся в творческом поиске мошенников отыскала целый Клондайк, золотые россыпи, то есть свалку радиодеталей. Зачем нужны негодные радиодетали? Ну, в умелых-то руках!..

Юноша томного вида заходит в магазин, торгующий всякой всячиной, от телевизоров до фаянсовых туалетных бачков. И, скромно потупившись, демонстрирует продавщице навороченную радиодетальку загогулистого вида, после чего осторожно спрашивает:

— Вам такая штука не нужна? Дешево отдам. Это для спутникового ТВ.

Продавщика презрительно фыркает:

— Мы не барахолка!

Тут в магазине появляется хорошо одетая интеллигентная парочка. Новые посетители смотрят завороженно на таинственную деталь. Потом, с уважением, на молодого человека. И глава семьи заинтересованно спрашивает:

— И сколько стоит?

— Да недорого отдам. Долларов за двадцать.

Мужчина тут же вытаскивает кошель со златом и отслюнявливает двадцать долларов. Напоследок говорит:

— Смотри, сынок. Пробросаешься. Эта штукавина не меньше сотни долларов стоит, да еще и не найдешь.

— Так у меня их много, — потупившись, шаркает ножкой молодой человек.

— К сожалению, нам больше не надо, — объявляет глава семьи и удаляется.

Презрительное выражение на лице продавщицы трансформируется в заискивающее. Тут и директор магазина подтягивается. И закидывает удочку, как бы этот страшный дефицит прикупить:

— У нас наличности нет такой. Может, бартер?

— Ну не знаю, — пожимает плечами молодой человек. — Куда я его дену?.. Хотя давайте!

Подъезжает машина. В нее загружают ширпотреб. Происходит бартер.

А директор магазина через день задает себе вопрос: чего с этой фигней электронной делать? Очередь на нее что-то не выстраивается. Потом знакомый радиомеханик режет правду-матку — это электронный хлам со свалки. И директор находит ему применение — в качестве вещдока к уголовному делу. А чего стесняться? Таких историй по области уже десятки. Когда дураков столько, ты на их фоне вроде как и не выделяешься.

Когда жуликов задержали, оперативники потом долго обыскивали их гаражи, квартиры. Те все были забиты ширпотребовским хламом: люстрами, стиральными машинами, видеомагнитофонами. Бартер!

Вышеописанное театральное представление на языке мошенников называется постановкой.

Другая шайка артистов и «режиссеров-постановщиков» в том же Калининграде нашла применение оказавшимся в их распоряжении никому не нужным бухгалтерским документам с устрашающими колонками арабских и римских цифр и красивыми печатями.

Живет себе и не тужит какая-нибудь фирма «Рога и копыта оптом и в розницу». Заходит в офис молодой человек, приятной наружности и интеллигентной манеры общения, очень хорошо одетый, и начинает грузить персонал какими-

то дикими прожеками, типа скупить у Романа Абрамовича половину Чукотки или гребной винт от его яхты и перепродать дорожке на основе паритетного договорного участия вашей компании. Клерки делают вид, что внимательно его слушают — нужно быть вежливым и посылать тоже вежливо, а не как с детства привыкли, на три буквы. Калининград же почти Европа.

Неожиданно молодой человек оглядывается:

— А моей папки никто не видел?

Клерки озадаченно пожимают плечами. Откуда?

— Ну, елки-палки. Там же договора и документация! Это же... Ну это крах, граждане. Финансовый крах! Куда я ее дел? У водилы в такси оставил? Где теперь искать того водилу?!. Все, побежал! Может, найду. Вот черт, ну не меньше тысячи долларов отдал бы, если бы мне папку мою кто вернул. Ох, дела мои грешные... Вот все мои телефончики. — Молодой человек протягивает визитки. — Но это потом. А пока... Папка моя папка...

Причитая, как еврейский ростовщик, потерявший доллар из последнего миллиона, парень отчаливает. Через пару минут заходит работяга в кожанке:

— Тут такой хлыщ болтливый не заходил? Папку у меня в машине оставил.

И трясет папкой. А в ней красивенькие документы с цифрами и печатями.

«Тысяча баксов», — щелкает у сотрудницы в голове обещание клиента. И она ласково так, вызывающим полное доверие голосом продавца недвижимости на острове Пасхи начинает гипнотически ворковать:

— А вы ее оставьте. Мы ему передадим. Обязательно передадим.

— Ну да. Там такие документы. Меньше чем за две сотни баксов не отдам.

Восемьсот баксов навару — тоже неплохо, хотя и не тысяча.

Водитель уходит с двумя зелеными сотенными бумажками. А предприимчивый юноша что-то по указанным в визитке телефонам не отвечает. Обманул, негодник! Ну, куда податься лоху? Конечно, в милицию.

Милиция не дремлет. Жуликов она задерживает. А я читаю распечатку разговоров молодого человека:

— И тут следователь смотрит на меня. Чмо такое, мол, я тебя насквозь вижу. А я думаю: чего ты видишь? Если бы я не здесь сидел, то, подвернись удача, был бы ты моим потерпевшим!

В этих словах имеется доля горькой правды. Как говорил мне один из старых мошенников:

— Поймите, любой человек на Земле хоть раз побыл лохом.

Ох как же он прав. Помню, мы разрабатывали группу мошенников: те нашли лоха и грейдером гребли с него в среднем по сотне тысяч долларов в два месяца. Но ситуация для задержания пока что-то не созрела. А тут один из жуликов приходит ко мне — но только не с повинной. Его, оказывается, кинул другой мошенник, который нам тоже был хорошо известен.

— Я к нему как к человеку. А он... Совести у него нет!

Вот так кидалы и становятся лохами. Все в мире преходяще...

Мошеннические постановки — выглядят они, конечно, забавно. Но с каждым годом становятся все более жестокими. Потому что в основном страдают от них пенсионеры и прочие малозащищенные слои населения.

Вон недавняя фишка. Покупает дедулька чудо-лекарство. Звонят ему через некоторое время приятные девушки. И объявляют — к сожалению, лекарство было токсичное. Жить вам осталось несколько дней. Однако, к счастью, у нас есть противоядие. К сожалению, не бесплатное — стоит двести тысяч рублей. Но, к еще большему счастью, мы отдаем его всего лишь по себестоимости.

И несут им, подонкам, пенсионные деньги и накопления. Если только инфаркт миокарда старичков не обслужит раньше.

Одного дедушку — бывшего прокурора, таким образом мошенники нагрели на несколько миллионов рублей. Правда, мы потом контору ту — некий дата-центр — с помпой и шумом накрыли. Под суд пошло человек двадцать.

Но жулики не дремлют. Изобретают новые прогрессивные методы. Оперативник из нашего отдела в Москве накрыл шайку негров из Экваториальной Африки. Ох каких же они находили лохов. Эталонных! Только истинный прирожденный лох может поверить, что если положить в коробку десять тысяч баксов, то в процессе шаманского ритуала там материализуется сто тысяч. Вот только в результате ритуала что-то шло не так, и исчезали и эти десять тысяч. Бывает. Магия штука непростая.

Смотрел я видеозапись этого кидалова и последующего задержания. Все же негры талантливы не только в рэпе и джазе. Есть в них склонности и к драматической игре. Вот только переигрывают сильно, любят глаза выпучивать и руки заламывать. Так что годятся они больше для индийского кино. Но для эталонного лоха оно только в плюс...

Глава 2

Военный Краснознаменный институт — осиное гнездо советской разведки

В этом повествовании, как мне кажется, уместно будет отступление с раскрытием вопроса: а откуда в природе берутся оперативники, следователи и судьи, тянущие телегу уголовной юстиции, как ассенизаторы смывающие всю социальную грязь нашего общества? Где учат бороться с убийцами, ворами, казнокрадами, выковыывают верные понятия и правила жизни? Могу поделиться личным опытом. А заодно вспомнить мою дорогую альма-матер, ВКИМО...

Здесь птицы не поют, деревья не растут,
Глухой стеною обнесен военный институт.

Этой самой глухой стеной в Лефортове, на улице Волочаевская, были огорожены два новых корпуса, старинные царские красные казармы и конюшни — здания самого элитного (как мы считали) высшего учебного заведения Министерства обороны СССР.

1981 год. Мы стояли на плацу учебного центра около поселка Свердловка, что рядом со Звездным городком. Форма на нас, вчерашних школьниках, пока сидела совсем неважно, явно не как влитая — не то что на тех, кто пришел в институт из строевых частей. Мы — это пятая группа первого курса четвертого факультета.

Два десятка новоиспеченных курсантов со щитами и мечами в красных петлицах.

Эх, если бы знать будущее моих одноклассников, с которыми нам на пять лет фактически предстояло стать дружной семьей! Вот рядом стоит будущий руководитель Управления Администрации президента, а позже заместитель руководителя Роскосмоса. А справа — будущий губернатор одного из регионов, которому суждено процарствовать там полтора десятка лет, а потом попасть под каток кампании по борьбе с коррупцией и приземлиться в СИЗО. А вон будущий генерал — председатель Московского военного суда. И вот еще одна шишка в будущем — мой добрый друг, крупный чиновник Администрации Президента, автор практически всех военных законов начиная с середины 90-х, самый лучший и умный юрист из всех, кого я знаю. И слева от меня будущий прокурор одной из республик России. Тут же и будущие руководители подразделений военной прокуратуры и Следственного комитета. А вот сопредседатель Афганского фонда, который на разборках получит пулю, выживет и умотает на многие годы в США, чтобы вернуться потом в Россию и выступать в юридических телешоу на центральном телевидении. Но пока мы никто. Так, жалкие заготовки для Советской Армии, каким-то чудом прошедшие по конкурсу в военный вуз,

куда, как нас убеждали, попасть вообще невозможно. Но мы попали. И впереди нас ждала «вешалка» — курс молодого бойца.

КМБ — это зарядки, физо, тактика, уставы, окапывание, строевая подготовка. Все для того, чтобы сделать свободного человека рабом приказов и уставов. Так началась моя армейская служба со всеми ее взлетами, падениями, вершинами разума и неразумными маразмами.

Кстати, насчет маразма — его мы хватанули полной ложкой и сразу. С первых дней КМБ курсанты начали валиться от дизентерии. Военная врачиха относилась к нам как к оловянным солдатикам — мол, сдохнете, и ладно, на переплавку отправим. Она видела во всех нас злостных симулянтов и умудрилась дизентерийникам не давать освобождения от службы, гонять в общие наряды, в том числе по столовой. В результате половина потока в первые дни очутилась в «чумных бараках», то есть переехала из палаток в зимние казармы, ставшие карантинном. Какими же непотребными словами орал на врачиху приехавший на ЧП подполковник — начальник медслужбы института!

Ох, времечко было! Болезнь какая-то странная вышла — не шибко злая, без особо выразительных симптомов, так что я две недели валялся на койке, изображая больного, вместе с толпой таких же тунеядцев. А мои сослуживцы

рвали жилы до изнеможения на полосе препятствий.

Рядом со мной скучал ставший мне другом будущий президент Федеральной нотариальной палаты, то есть глава всех нотариусов страны. Мы с ним читали Достоевского и вели беседы на тему философии и литературы. Тогда это было принято — интеллектуальные беседы, даже среди зеленой молодежи.

Наконец нас вышибли из чумного барака обратно в палатки — одна на отделение. Еще несколько дней мы побегали вместе со всеми — после диет и лежания на кровати это было труднее вдвойне. Потом стрельбы, где я умудрился из автомата попасть туда, куда надо.

И вот желтые институтские «пазики» — это было престижно, обычных солдат возили на грузовиках — доставили нас на родную Волочаевскую улицу. После палаток казарма на втором этаже из трех кубриков по пятьдесят человек, без горячей воды показалась нам хоромами. Она стала нашей на три долгих года.

А потом присяга — и на тридцать лет на моих плечах устроились погоны.

Вообще, первые дни службы, казалось, пережить невозможно. Ощущение, как будто свободного гражданина Афин продали в рабство на финикийскую галеру. Первый курс ты как салобон в армии — постоянно скачешь, бегаешь,